

В.К. Хрусталёв

**К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИНОСТРАННЫХ
ИСТОРИЧЕСКИХ ПРИМЕРОВ (*EXEMPLA*)
В СУДЕБНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЧАХ ЦИЦЕРОНА***

Аннотация: обращение к историческим примерам (*exempla*) характерно для самых разных жанров римской литературы, включая речи. Предметом изучения в научной литературе обычно становятся собственно римские примеры, в то время как иностранные, как правило, остаются на периферии внимания исследователей. В статье рассматриваются случаи использования т.н. «внешних» исторических примеров в политических и судебных речах Цицерона и анализируются выполняемые ими функции.

Ключевые слова: Поздняя римская республика, Цицерон, сенат, судебные процессы, судебные речи, политические речи, римское ораторское искусство.

Zusammenfassung: die historischen Beispiele (*exempla*) werden in ganz verschiedenen Genres der römischen Literatur, einschließlich Reden, sehr breit verwendet. Der Schwerpunkt der Forschung liegt normalerweise auf römischen Beispielen, wohingegen auswärtige historische *exempla* sich noch nicht hinreichend untersucht gefunden haben. Ziel dieses Aufsatzes ist es, die Fälle der Verwendung von sog. „äußeren“ historischen Beispielen in den Gerichts- und politischen Reden Ciceros zu behandeln und ihre Funktionen zu bestimmen.

Schlagwörter: späte römische Republik, Cicero, Senat, Gerichtsprozesse, Gerichtsreden, politische Reden, römische Rhetorik.

1. Предварительные замечания

В последние несколько десятилетий в антиковедческой литературе можно наблюдать стабильный рост интереса к проблемам исторической памяти в Древнем Риме, к изучению образа прошлого, существовавшего в сознании римлян, и к вопросу об использовании элементов этого образа в политической жизни. Пожалуй, в наибольшей степени эта тенденция характерна для немецкоязычной и англоязычной историографии, где она существует в русле завоевавших популярность в самых разных областях исторической науки исследований «истории

* В основу настоящей статьи положены сообщения, сделанные в 2016–2017 гг. на научных семинарах и конференциях в Санкт-Петербургском институте истории РАН, РГПУ им. А.И. Герцена и Центре эллинистических исследований Университета Дмитрия Пожарского (Москва). Все даты – до н.э., если не указано иное. Русские переводы цитат из античных писателей выполнены автором. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Судебный процесс в античности: юридические, политические, социальные и личностные аспекты» (грант № 19-09-00183) в РГПУ им. А.И. Герцена.

памяти» (Gedächtnisgeschichte, memory studies)¹. Одним из популярных направлений в изучении этой тематики является анализ роли исторических примеров в римской политической культуре и её отражения в сохранившейся литературной традиции. Применительно к эпохе Поздней республики эти вопросы детально рассматриваются в двух относительно недавно опубликованных монографиях, вышедших из-под пера немца Франца Бюхера² и датчанки Генриетты ван дер Блом³.

Разумеется, обращение к историческим примерам характерно для самых разных жанров римской литературы. Однако особый интерес в свете поставленных выше вопросов вызывает использование *exempla* в выступлениях республиканских ораторов, так как речи были рассчитаны на более широкую аудиторию, чем любые другие литературные произведения. В речах оратор для того, чтобы быть убедительным и завоевать симпатии и поддержку слушателей, должен был учитывать уровень познаний своей публики, её настроения, симпатии и антипатии. Очевидно, что в зависимости от аудитории хороший оратор для достижения своих целей будет использовать разнообразные риторические приёмы⁴. Поэтому изучение речей открывает для исследователя коллективную историческую память древних римлян особенно

¹ *Exempli gratia* имеет смысл сослаться на несколько работ (там же см. более подробную библиографию): Walter U. *Memoria und res publica. Zur Geschichtskultur der römischen Republik*. Frankfurt am Main, 2004; *Hölkeskamp K.-J. Exempla und mos maiorum: Überlegungen zum kollektiven Gedächtnis der Nobilität // Vergangenheit und Lebenswelt. Soziale Kommunikation, Traditionsbildung und historisches Bewusstsein / H.-J. Gehrke, A. Möller (hgs.)*. Tübingen, 1996. S. 301–338; *idem. History and Collective Memory in the Middle Republic // A Companion to the Roman Republic / N. Rosenstein, R. Morstein-Marx (eds.)*. Oxf., 2006. P. 478–495; *Memoria Romana: Memory in Rome and Rome in Memory / Ed. K. Galinsky*. Ann Arbor, 2014; *Memory in Ancient Rome and Early Christianity / K. Galinsky (ed.)*. Oxf.; N.Y., 2016. Теоретической основой этих исследований в значительной степени являются идеи, сформулированные в трудах немцев Я. Ассманна (*Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung, und politische Identität in frühen Hochkulturen*. München, 1992; *idem. Religion und kulturelles Gedächtnis. Zehn Studien*. München, 2000), П. Козеллека (*Koselleck R. Vergangene Zukunft: Zur Semantik geschichtlicher Zeiten*. Frankfurt am Main, 1979) и француза П. Нора (*Nora P. Entre histoire et mémoire. La problématique des lieux // Les lieux de mémoire / P. Nora (ed.)*. Vol. 1: La République. P., 1984. P. XV–XLII).

² *Bücher F. Verargumentierte Geschichte. Exempla Romana im politischen Diskurs der späten Republik*. Stuttgart, 2006.

³ *Blom H. van der. Cicero's Role Models: The Political Strategy of a Newcomer*. Oxf., 2010.

⁴ Относительно речей, произносимых перед народом на *contiones*, см. об этом, напр.: *Morstein-Marx R. Mass Oratory and Political Power in the Late Roman Republic*. Cambr., 2004. P. 13–18 (с библиографией), где, однако, справедливо подчёркивается, что модель взаимодействия между оратором и его аудиторией на римской сходке более сложна, ибо взгляды и убеждения слушателей (плебса) в значительной степени формировались под воздействием той идеологии, которую им транслировали представители политической элиты (ораторы). Это не относится к судебным и сенатским речам, ибо в этих случаях и оратор, и его основная аудитория принадлежали к высшим сословиям римского общества.

заманчивую перспективу, позволяя делать более широкие обобщения, нежели те, которые допускает анализ сочинений, предназначенных для относительно немногочисленного круга образованных читателей. Весьма интересные наблюдения позволяет сделать сопоставление речей, принадлежащих к разным жанрам (судебных и политических).

Любое исследование, касающееся римского республиканского ораторского искусства, будет неизбежно в значительной степени посвящено Цицерону, так как от этой эпохи только его речи сохранились полностью. Использование исторических примеров в политических и судебных речах Цицерона уже неоднократно становилось предметом изучения в научной литературе⁵. Однако основное внимание всегда уделяется весьма многочисленным у Цицерона римским *exempla*, в то время как т.н. «внешние» примеры, взятые из истории греков и других народов, чаще всего ускользают из поля зрения антиковедов – главным образом потому, что они встречаются в его речах намного реже⁶. Тем не менее, представляется, что без анализа этих упоминаний рисуемая исследователями картина не будет полной. Весьма интересно проследить контекст и частоту использования Цицероном внешних *exempla*, его выбор исторических событий и деятелей и сравнить всё это с практикой употребления оратором собственно римских примеров. Следует оговориться, что эта статья в значительной степени носит предварительный характер. Изложенные в ней наблюдения, безусловно, нуждаются как в более глубоком обобщении и теоретическом осмыслении, так и в сопоставлении с материалом, который дают другие римские авторы.

2. Используемая терминология

Прежде чем перейти к основной части статьи, необходимо объяснить, что именно в дальнейшем исследовании будет пониматься под «историческим примером». Разумеется, исходной точкой для наших рассуждений должны послужить определения, которые термину *exemplum* дают римские авторы позднереспубликанского периода и, прежде всего, сам Цицерон.

В своём юношеском сочинении «О нахождении» (*De inuentione*), созданном, скорее всего, между 91 и 89/88 гг.⁷, Цицерон говорит об

⁵ В том числе в уже упомянутых выше монографиях Ф. Бюхера (*Bücher F.* Op. cit. *passim*) и Г. ван дер Блом (*van der Blom H.* Op. cit. P. 61–147); см. также более старые работы: *Schönberger H.* Beispiele aus der Geschichte, ein rhetorisches Kunstmittel in Ciceros Reden. Diss. Erlangen, 1910; *Robinson A.W.* Cicero's Use of People as *Exempla* in His Speeches. Diss. Indianapolis, 1986.

⁶ См., однако: *Schönberger H.* Op. cit. S. 33–41.

⁷ См. напр.: *Cicero: De Inventione, De Optimo Genere Oratorum, Topica* / Ed. and trans. H.M. Hubbel. Cambr. (Mass.), 1949. P. XI–XII; *Rhetorica ad Herennium* / Ed. and trans. H. Caplan. Cambr. (Mass.), 1954. P. XXV–XXVI; *Kennedy G.* The Art of Rhetoric in the Roman World: 300 B.C. – A.D. 300. Princeton, 1972. P. 107–110; *Gaines R.N.* Roman Rhetorical Handbooks // A Companion to Roman Rhetoric / W. Dominik, J. Hall (eds.). Oxf., 2007. P. 169. Некоторые авторы, однако, выступают за более позднюю датировку – конец 80-х гг. (например: *Kroll W.* M. Tullius Cicero: Die rhetorischen Schriften // RE. 1939.

exempla, рассматривая разные виды системы доказательств (*argumentatio*) (De inv. I.44–49). Доказательства он подразделяет на «неопровержимые» (*necessaria*) и «правдоподобные» (*probabilia*), а последние, в свою очередь, – на «улики» (*signa*), «вероятное» (*credibile*), «решённое» (*iudicatum*) и «сравнимое» (*comparabile*). «Сравнимое (*comparabile*) же есть то, что охватывает некое схожее основание в различных предметах. Существуют три его подразделения: сравнение (*imago*), уподобление (*conlatio*), пример (*exemplum*). Сравнение – это утверждение, показывающее сходство физического облика или природы. Уподобление – это утверждение, сопоставляющее один предмет с другим, исходя из их сходства. Пример – это то, что подтверждает или опровергает предмет ссылкой на авторитет либо обстоятельства какого-нибудь человека или события»⁸. Использование примеров Цицерон связывает с *confirmatio*, т.е. главным разделом всей речи, в котором оратор приводит аргументы в поддержку своей позиции, уже сформулированной в предыдущих частях. Таким образом, по мнению молодого Цицерона, *exemplum* подразумевает ссылку на персону какого-либо деятеля или на событие (очевидно, в прошлом), причём непременным условием является определённая степень значимости этой персоны или этого события. Иными словами, *exemplum* должно обладать *auctoritas*, «авторитетом».

Схожим образом трактует понятие *exemplum* анонимная «Риторика к Гереннию», созданная приблизительно в то же самое время – вероятно, между 86 и 82 годами⁹. Её автор рассматривает пример как стилистическую фигуру (*figura elocutionis*). «Риторика к Гереннию» несколько конкретизирует более широкое определение Цицерона, подчёркивая, что: 1) в качестве *exempla* могут использоваться как поступки, так и слова; 2) *exemplum* относится к прошлому и, следова-

Bd. VIIA. Sp. 1093; *Albrecht M. von. Geschichte der römischen Literatur von Andronicus bis Boethius und ihr Fortwirken*. 3. Aufl. B.; Boston, 2012. Bd. I. S. 445).

⁸ Cic. De inv. I.49: *Comparabile autem est quod in rebus diuersis similem aliquam rationem continet. Eius partes sunt tres: imago, conlatio, exemplum. Imago est oratio demonstrans corporum aut naturarum similitudinem. Conlatio est oratio rem cum re ex similitudine conferens. Exemplum est quod rem auctoritate aut casu alicuius hominis aut negotii confirmat aut infirmat.*

⁹ См., напр.: *Rhetorica ad Herennium*. P. XXV–XXVI; *Kennedy G.* Op. cit. P. 112–113; *Gaines R.N.* Op. cit. P. 170; *Albrecht M. von.* Op. cit. Bd. I. S. 495. Менее вероятной представляется отстаиваемая некоторыми авторами более поздняя датировка «Риторике» 70-ми гг. (*Kroll W.* *Der Text des Cornificius // Philologus*. 1934. Bd. 89. S. 63; *Henderson M.I.* *The Process de Repetundis // JRS*. 1951. Vol. 41. P. 73; ср.: *Кузнецова Т.И., Стрельникова И.П.* *Ораторское искусство в древнем Риме*. М., 1976. С. 66–67). Высказывались также предложения отнести написание этого сочинения к середине 50-х гг. (*Douglas A.E.* *Clausulae in the Rhetorica ad Herennium as Evidence of Its Date // ClQ*. 1960. Vol. 10. P. 65–78) и даже к середине I в. н.э. (*Herrmann L. L.* *Annaeus Cornutus et sa rhétorique à Herennius Senecio // Latomus*. 1980. T. 39. P. 144–160), однако эти гипотезы кажутся слабо аргументированными; возражения против них см. подробнее, напр.: *Winkel L.C.* *Some Remarks on the Date of the Rhetorica ad Herennium // Mnemosyne*. 1979. Vol. 32. P. 327–332.

тельно, имеет строгую привязку во времени; 3) *exemplum* носит конкретный характер, т.е. при его использовании указываются имена исторических лиц¹⁰.

«Риторика к Гереннию» перечисляет также задачи, для выполнения которых оратору рекомендуется употреблять *exempla*¹¹. Сопоставив её указания с похожими рассуждениями из риторических сочинений Цицерона¹², можно соотнести их с достижением трёх главных целей оратора в том виде, в каком они сформулированы Цицероном в диалоге «Оратор» (Or. 69): *docere* («убеждать»), *delectare* («услаждать»), *movere* («увлекать»). Соответственно, *exempla* помогают оратору убеждать слушателей, придавая речи 1) авторитет (*auctoritas*) и достоинство (*dignitas*), а также 2) ясность (*claritas*) и 3) правдоподобие (*probabilitas*). Они услаждают слух аудитории, придавая речи 4) красоту и приятность (*iucunditas*). *Exempla* способны также и увлекать, придавая 5) живость и яркость изложению. В диалоге «Об ораторе» (II.250) Цицерон, перечисляя различные фигуры мысли (*figurae sententiae*), помещает пример рядом с «уподоблением» (*similitudo*) и говорит, что эти риторические средства „*maxime movent*“ слушателей. В «Подразделениях риторики» (Part. 40) Цицерон утверждает, что среди всех фигур *similia* именно *exemplum* обладает наибольшей убедительной силой (*maximam fidem facit*), превосходя в этом отношении *similitudo* и *fabula* (т.е. вымышленную историю)¹³.

Современные исследователи, изучающие использование римскими авторами *exempla*, естественно, исходят из античных определений этого термина, но зачастую по-разному расставляют акценты. Прежде

¹⁰ Rhet. ad Her. IV.62: *Exemplum est alicuius facti aut dicti praeteriti cum certi auctoris nomine propositio.*

¹¹ Rhet. ad Her. IV.62: *Id [exemplum] sumitur isdem de causis, quibus similitudo. Rem ornatiorem facit, cum nullius rei nisi dignitatis causa sumitur; apertio-rem, cum id, quod sit obscurius, magis dilucidum reddit; probabiliorem, cum magis veri similem facit; ante oculos ponit, cum exprimit omnia perspicue, ut res prope dicam manu temptari possit.* – «Он [пример. – В.Х.] используется по тем же причинам, что и аналогия. Он делает изложение дела красивее, когда используется исключительно с целью придать великолепие; яснее, когда проливает свет на то, что было тёмным; правдоподобнее, когда делает его более похожим на истину; помещает картину событий перед глазами, когда выражает всё так живо, что то, о чём рассказывается, словно можно потрогать рукой». О воспитательной силе *exempla* ср. Cic. Arch. 14.

¹² Or. 120: *Commemoratio autem antiquitatis exemplorumque prolatio summa cum delectatione et auctoritatem orationi adfert et fidem.* – «Напоминание же о древности и приведение примеров придают речи, наряду с величайшей сладостью, и авторитет, и убедительность».

¹³ Определения, которые дают понятию *exemplum* Цицерон и «Риторика к Гереннию», существенно отличаются от понимания этого термина (и его греческого аналога παράδειγμα) другими античными авторами (в частности, Аристотелем и Квинтилианом). См. подробнее, напр.: Schönberger H. Op. cit. S. 5–8; Yao Shao-Ji. Der Exempelgebrauch in der Sangspruchdichtung vom späten 12. Jahrhundert bis zum Anfang des 14. Jahrhunderts. Würzburg, 2006. S. 21–24.

всего, различия касаются трактовки отдельных характеристик и функций *exempla*¹⁴.

Многие учёные делают особый упор на морально-дидактическое значение *exempla*¹⁵, которые, с их точки зрения, призваны, прежде всего, служить образцами для подражания (положительный пример) или, наоборот, для избегания (отрицательный пример). Не отрицая правомерности такого подхода в отдельных случаях, следует поставить под вопрос возможность использования такого определения *exemplum* при исследовании речей Цицерона, ибо очевидно, что отнюдь не все приводимые в них примеры действительно играют дидактическую роль. Осознавая эту трудность и отмечая, что Цицерон вкладывает в понятие *exemplum* весьма широкое значение¹⁶, Г. ван дер Блом предлагает разделять используемые оратором *exempla* на две группы: 1) исторические примеры (имеющие морально-дидактическую функцию) и 2) юридические прецеденты (таковой не имеющие). В составе первой группы она выделяет в качестве отдельной категории «личные примеры» (*personal exempla*), на которые оратор ссылается как на образец для себя самого¹⁷. Под юридическим прецедентом датская исследовательница понимает ссылку на конкретное судебное разбирательство в прошлом, на аргументацию, которая использовалась в этом деле либо, реже, – на вынесенный приговор¹⁸. Правомерность такого разделения вызывает сомнение, так как граница, проводимая Г. ван дер Блом между этими двумя группами, весьма условна и подвижна. Сам Цицерон (так же, как и другие античные авторы) не делает ника-

¹⁴ Из огромного количества литературы, посвящённой *exempla* в античной риторике, можно порекомендовать в первую очередь: *Fuhrmann M. Das Exemplum in der antiken Rhetorik // Geschichte – Ereignis und Erzählung / R. Koselleck, W. Stempel (hgs.). München, 1973. S. 449–452*, а также статьи более общего характера: *Lausberg H. Handbuch der literarischen Rhetorik. München, 1960. Bd. I. S. 227–236, §410–430; Daxelmüller C. Exemplum // Enzyklopädie des Märchens / R.W. Brednich (hg.). B., 1984. Bd. IV. Sp. 627–649; Klein J. Exemplum // Historisches Wörterbuch der Rhetorik / G. Ueding (hg.). Tübingen, 1996. Bd. III. Sp. 60–70* (с библиографией).

¹⁵ См., напр., определение У. Вальтера (*Walter U. Op. cit. S. 51*): „Phänomenologisch gesprochen sind historische *exempla* ... wirklichkeitsgesättigte narrative Explikationen gesamtgesellschaftlich verbindlicher moralischer Normen und Wertvorstellungen, oder einfacher gesagt: in der Zeit verwirklichte und in einer bestimmten Form tradierte Modelle idealen Verhaltens.“ Сходной трактовки придерживается Г. Ван дер Блом (*Blom H. van der. Op. cit. P. 68*): „By a historical *exemplum*, I mean a specific reference to an individual, a group of individuals, or an event in the past which is intended to serve as a moral-didactic guide to conduct.“ Ср. также: *Hölkeskamp K.-J. Exempla und mos maiorum: Überlegungen zum kollektiven Gedächtnis der Nobilität. S. 312–313; Chaplin J.D. Livy's Exemplary History. Oxf., 2000. P. 3.*

¹⁶ Весьма спорный тезис, так как цicerоновское определение *exemplum*, напротив, значительно уже, чем то, которым оперируют Аристотель и Квинтиллиан; см. *Yao Shao-Ji. Op. cit. S. 23.*

¹⁷ *Blom H. van der. Op. cit. P. 71.*

¹⁸ *Ibid. P. 67–68. Ср.: Harries J. Cicero and the Jurists: From Citizen's Law to the Lawful State. L., 2006. P. 134–135.*

кого разграничения между историческими примерами и юридическими прецедентами. Поэтому более правильным было бы рассматривать юридические прецеденты как частный случай исторических примеров – тем более, что в системе римского судопроизводства (в отличие от, например, англосаксонского) они не имели законной силы и не могли послужить основанием для вынесения судебного решения, а потому ссылки на них в речах тяжущихся сторон использовались с теми же целями, что и все прочие *exempla*¹⁹. Г. ван дер Блом, кроме того, отрицает также обязательность наличия у *exemplum auctoritas*: по её мнению, это является отличительной чертой не всякого, но лишь успешного исторического примера²⁰.

Предпочтительнее выглядит позиция Ф. Бюхера, который использует более простое (хотя и недостаточно конкретное) определение *exemplum*²¹, делая акцент именно на его задаче «убеждать» слушателей. Удачной также представляется формулировка И. Опперман, однако эта исследовательница не включила в неё определения функций исторического примера²².

Необходимо также отдельно остановиться на таком аспекте, как собственно историчность используемых Цицероном *exempla*. Можно ли включать в число исторических примеров упоминания полуполюгендарных либо вовсе легендарных событий (например, странствий Геракла или Троянской войны) и мифологических персонажей? С моей точки зрения – безусловно, да. Сложно сказать, насколько сам Цицерон в каждом конкретном случае верил в реальность существования того или иного баснословного героя, но, так как он не отделяет их строго от фигур собственно исторических, в отличие, например, от персонажей театральных пьес (см. Cic. Scaur. 3), едва ли будет правильным делать это за него, тем более что в рассматриваемый период мифология традиционно мыслилась как древнейшая часть истории.

¹⁹ В любом случае, вопрос о правомерности такого разделения не имеет прямого отношения к теме настоящей статьи, поэтому здесь не стоит останавливаться на нём подробнее: среди иностранных *exempla*, используемых Цицероном, нет таких, которые можно было бы отнести к категории юридических прецедентов.

²⁰ Blom H. van der. Op. cit. P. 69.

²¹ Bücher F. Op. cit. S. 154: „so könnte man als *exemplum* ansehen, was aus der Vergangenheit zum Zwecke gegenwärtiger Überzeugungsarbeit eines Redners herausgenommen wird.“

²² Oppermann I. Zur Funktion historischer Beispiele in Ciceros Briefen. München, 2000. S. 19: „Als *exemplum* soll deshalb im Folgenden die Erwähnung von realen oder als realen betrachteten Personen oder Ereignissen angesehen werden, die deutlich nicht selbst Gegenstand der Erörterung, sondern von außen neben das Thema gestellt sind, und für die gilt: Sie müssen für die primären Kommunikationspartner eindeutig identifizierbar sein, über ein gewisses Maß an Bedeutung (*auctoritas*, *casus*) verfügen und die mit ihnen (explizit oder implizit durch die Nennung der Personen) zum Vergleich herangezogenen konkreten Vorgänge müssen mindestens bereits abgeschlossen sein.“

Суммируя всё сказанное выше, попытаюсь дать своё определение понятию *exemplum*²³, на которое я и буду в дальнейшем опираться в своём исследовании. Представляется, что под *exemplum* следует понимать упоминание оратором какого-либо конкретного человека или конкретного события, жившего или имевшего место в отдалённом либо относительно недавнем прошлом, с целью сообщить своей речи убедительность, достоинство, правдоподобие и красоту, а также придать изложению живость и яркость. Сам факт того, существовал ли вообще данный человек или произошло ли в действительности данное событие, не имеет особого значения, если они мыслятся оратором и его аудиторией как реальные. При использовании *exemplum* обычно указываются имена конкретных лиц, но это не является непременным условием: хорошо известное слушателям имя может только подразумеваться (как в *Mur.* 84: Ганнибал).

3. Наблюдения за использованием Цицероном иностранных исторических примеров

Перейдём теперь собственно к анализу отдельных случаев использования Цицероном тех или иных внешних исторических примеров²⁴. В первую очередь здесь следует обратить внимание на зависимость этой практики от жанра произведения. Если просмотреть весь цicerоновский корпус, то выяснится, что Цицерон охотнее всего использует иностранные *exempla* в своих философских сочинениях; там их количество иногда даже превышает количество римских. Это вполне объяснимо, так как в качестве примеров в произведениях этого жанра Цицерон часто приводит философов, писателей, деятелей искусства, а выдающихся греков в этих сферах было на порядок больше, чем римлян. Заметно реже иноземные *exempla* встречаются в переписке, причём частота употребления напрямую зависит от адресата: в письмах к Аттику число их весьма велико, в посланиях к ряду других адресатов – нет совсем. Наконец, в речах, как уже отмечалось, иностранные исторические примеры встречаются на порядок реже римских.

Однако даже эти единичные *exempla* распределяются внутри корпуса сохранившихся речей весьма неравномерно. Прослеживается строгая закономерность: Цицерон чаще всего использует иностранные исторические примеры в судебных речах. Едва ли это можно объяснить простой случайностью. Скорее подобную избирательность следует связать с аудиторией, перед которой приходилось выступать оратору, а также с обстоятельствами тех дел, по поводу которых он говорил.

²³ Или «исторический пример», для меня эти понятия синонимичны. Напротив, широко используемое многими перечисленными выше исследователями выражение «исторические *exempla*» является, по моему мнению, тавтологией (на любом языке).

²⁴ Ссылки на все случаи упоминания иностранных исторических деятелей в речах цicerоновского корпуса см.: *Shackleton Bailey D.R. Onomasticon to Cicero's Speeches. 2nd rev. ed. Stuttgart; Lpz., 1992.* Разумеется, далеко не все они подходят под определение *exemplum*.

Произносятся политические речи на народных сходках (*contiones*), Цицерон выступал перед широкими массами римского плебса. Разумеется, сколько-нибудь точно оценить образовательный уровень этих его слушателей нельзя, но как кажется, сделать некоторые общие заключения возможно. Как демонстрирует целый ряд исследований²⁵, неверно было бы представлять себе римских плебеев совершенно тёмной и необразованной массой, хотя большинство из них, если и учились вообще, то мало и недолго. Коллективная историческая память играла в жизни римлян колоссальную роль, так как само государственное устройство Республики было в значительной степени основано на авторитете традиции и обычаях предков (*mos maiorum*). В определённом смысле взгляд римлян всегда был направлен в прошлое. Такая ситуация всячески поддерживалась римской правящей аристократией, которая обосновывала свои претензии на лидирующее положение в государстве, в том числе, заслугами своих предков. Достижению этой цели служили возведение общественных зданий, храмов и памятных монументов в городе, пропаганда на монетах, разнообразные пышные церемонии – похороны членов знатных родов (*protra funebris*), триумфальные процессии и т.д. Рядовой римский гражданин был в своей повседневной жизни всё время как бы «погружён» в историю своего отечества и имел поэтому определённый запас знаний (хотя, конечно, отрывочных и несистематизированных, а зачастую и мифологизированных) о ключевых её событиях и деятелях. Именно это обстоятельство позволяло Цицерону даже в речах перед народом использовать *exempla*. Но и сами ораторы, постоянно обращаясь к событиям прошлого, раз за разом напоминали о них своей аудитории и способствовали формированию и сохранению исторической памяти. Правда, в речах перед народом Цицерон прибегает к этому приёму реже, чем в других своих выступлениях, и привлекает для этой цели весьма ограниченный круг лиц и событий, лучше всего знакомых широкой публике. Естественно, что использования неримских примеров Цицерон в таких случаях последовательно избегает²⁶.

Иной была ситуация при выступлениях в сенате. Насколько можно судить, большинство римских сенаторов в I в. владели в той или иной степени греческим языком и имели некоторые познания в греческой литературе и истории. В сенатских речах Цицерон периодически использует внешние *exempla*, но круг их весьма ограничен: из исторических деятелей это, как правило, знаменитые враги Рима – Ганнибал, Афинион и Спартак. При этом более половины всех примеров приходится на «Филиппики», направленные против М. Антония, которого Цицерон регулярно отождествляет с этими историческими персонажами (Phil. XIII.22: *O Spartace*; Phil. XIII.25: *noxe Hannibal*). Упомина-

²⁵ См., напр.: Harris W.V. *Ancient Literacy*. Cambr. (Mass.), 1989. P. 233–242; Horsfall N. *The Culture of the Roman Plebs*. L., 2003.

²⁶ Исключения крайне редки: это упоминания Спартака (Phil. IV.15) и Ганнибала (Phil. VI.4, б) в четвёртой и шестой «Филиппиках», произнесённых на народных сходках.

ются также Геркулес (Dom. 134) и Александр Македонский (Phil. V.48). Правда, до нашего времени практически не дошли речи, посвящённые внешнеполитическим вопросам (например, «Об александрийском царе», сохранившаяся лишь в незначительных фрагментах²⁷). Возможно, в этих выступлениях иностранные *exempla* использовались оратором более широко, что выглядело бы вполне уместно.

При выступлениях в уголовных судах главной аудиторией Цицерона были, конечно, члены постоянных судебных комиссий (*quaestiones perpetuae*). После установления диктатуры Суллы и до Аврелиева судебного закона 70 г. эти комиссии комплектовались только из сенаторов, а после его принятия стали включать в себя три декурии: сенаторов, всадников и эрарных трибунов; таким образом, в них опять-таки заседали представители верхних и, соответственно, наиболее образованных слоёв римского общества. Однако в судах Цицерон, очевидно, чувствовал себя свободнее. Именно в этих выступлениях он наиболее активно использует греческие *exempla*. Они часто появляются в речах на процессах, непосредственно связанных с Грецией или странами эллинистического Востока: например, в «Верринах» (обвиняемый – наместник в Сицилии), в речах «За Архия» (подзащитный Цицерона – грек и к тому же поэт), «За Рабирия Постума» (клиент Цицерона, хоть и был римлянином, жил некоторое время в птолемеевском Египте, и именно с этой страной были связаны инкриминируемые ему преступления) и др.

Из иностранных *exempla* Цицерон во всех своих сочинениях чаще всего использует греческие, что неудивительно: и сам оратор, и его аудитория были лучше всего знакомы именно с греческой литературой, откуда эти примеры и черпались. В диалоге «Оратор» Цицерон советует изучающему искусство красноречия в первую очередь познакомиться с родной историей, а во вторую – с греческой²⁸. Кроме того, римляне, и Цицерон в частности, хотя и подчёркивали постоянно своё превосходство над греками в сфере управления государством, воинских и гражданских добродетелях, чистоте нравов, ценили культурные достижения эллинов и признавали их первенство в области искусств и наук²⁹. С особым уважением Цицерон относился, конечно, к Греции времён поздней архаики и классики (VI–V вв.), когда она переживала культурный расцвет и находилась в зените политического и военного могущества (см., например: Cic. Rosc. Amer. 70). Именно к

²⁷ См., напр., издание: M. Tullius Cicero. The Fragmentary Speeches / J.W. Crawford (ed.). 2nd ed. Atlanta, 1994. P. 43–56. Русский перевод: Марк Туллий Цицерон. Речь «Об александрийском царе» (фрагменты) / Вступ. ст., пер. с лат. и комм. В.К. Хрусталёва // Мнемон. 2015. Вып. 15. С. 441–450.

²⁸ Cic. Or. 120: *Cognoscat etiam rerum gestarum et memoriae ueteris ordinem, maxime scilicet nostrae ciuitatis, sed etiam imperiosorum populorum et regum inlustrium*. – «Пусть он [оратор. – В.Х.] изучит также последовательность деяний и памятных событий древности, в первую очередь, конечно, в нашем государстве, но также и у других державных народов и прославленных царей».

²⁹ См., напр.: Никишин В.О. Цицерон и греки // SH. 2011. Т. 11. С. 167–189 (с библиографией).

этой эпохе относятся почти все позитивные греческие *exempla*. Чем ближе к времени жизни самого Цицерона, тем больше становится примеров негативных или нейтральных, что, в принципе, соответствует несколько скептическому взгляду Цицерона на современных ему греков³⁰.

Если говорить о подборе Цицероном иностранных исторических деятелей для использования в качестве *exempla*, то это в большинстве своём политики, правители и военачальники. Такой выбор диктуется тем (уже отмеченным выше) обстоятельством, что хороший исторический пример, как римский, так и иноземный, должен обладать *auctoritas*, которая имеется, в первую очередь, у полководцев и государственных мужей³¹. В частности, Цицерон упоминает мифологических героев Геркулеса (Verr. II.4.95; Sest. 143; Balb. 39) и Аякса Теламонида (Scaur. 3), а также Солон (Rosc. Amer. 70), Аристиду (Sest. 141), Мильтиада Младшего (Sest. 141), Фемистокла (Arch. 20; Sest. 141; Scaur. 3)³², Деметрия Фалерского (Rab. Post. 23), сиракузского тирана Дионисия (Старшего или Младшего, из контекста неясно: Rab. Post. 25), Александра Македонского (Arch. 24; Rab. Post. 23), понтийского царя Митридата VI Евпатора (Verr. II.2.51; Rab. Post. 27)³³. Примерно половина из перечисленных исторических фигур – это афиняне, жившие в эпоху греко-персидских войн (Мильтиад Младший, Аристид, Фемистокл) или чуть раньше (Солон), в славное время наиболее громких военных успехов Афинского государства. Дионисий Старший жил в конце V – начале IV в., его сын, Дионисий Младший, – в первой половине IV в., афинянин Деметрий Фалерский – в конце III – начале II в. Лишь фигура Митридата является исключением: в «Верринах» (Verr. II.2.51) Цицерон упоминает его, когда понтийский царь ещё был жив, в речи «За Рабирия Постума» (Rab. Post. 27) – приблизительно через 10 лет после его смерти. Этого же принципа Цицерон советует придерживаться и при выборе римских примеров, что им подробно

³⁰ Нукишин В.О. Указ. соч. С. 168, 172, 176–182.

³¹ Ср.: Cic. Verr. II.3.209: *Tametsi quae ista sunt exempla multorum? Nam cum in causa tanta, cum in crimine maximo dici a defensore coeptum est factitatum esse aliquid, exspectant ii qui audiunt exempla ex uetere memoria, ex monumentis ac litteris, plena dignitatis, plena antiquitatis; haec enim plurimum solent et auctoritatis habere ad probandum et iucunditatis ad audiendum.* – «Однако каковы же эти многочисленные примеры? Ведь когда рассматривается подобное дело, когда защитник, касаясь тяжелейшего обвинения, начинает говорить, будто „так часто делали и другие“, слушатели ожидают примеров из былых времён, из исторических документов и сочинений, полных достоинства, полных древности; ведь они и придают наибольший авторитет доказательствам, и доставляют наибольшее наслаждение слушателям».

³² Образу Фемистокла в сочинениях Цицерона посвящена специальная статья: Berthold H. Die Gestalt des Themistocles bei M. Tullius Cicero // Klio. 1965. Bd. 43. S. 38–48.

³³ Разумеется, Цицерон многократно упоминает и других эллинистических монархов (Пирра, Филиппа V, Антиоха III, Персея), но такие упоминания всегда связаны с теми войнами, которые вели против них римляне и их прославленные военачальники; иноземные цари в этих *exempla* – лишь второстепенные фигуры, так что подобные примеры по сути являются римскими.

обосновывается во второй речи «Против Верреса»: предпочтение следует отдавать историческим деятелям и событиям глубокой древности (*antiquissimorum clarissimorumque hominum*), т.е. времён Второй Пунической войны и великих завоеваний (конец III – первая половина II в.), поскольку в те времена «и нравы были наилучшими, и мнение других людей ставили высоко, и суды отличались суровостью»³⁴. К примерам из недавнего прошлого надо прибегать, если не удалось подобрать древних, но при этом по своему авторитету они должны быть сравнимы с *exempla uetera*.

Exempla, в которых упоминаются греческие государственные деятели, в речах играют сугубо подчинённую роль, почти всегда соседствуют с римскими и идут после них³⁵. Так, в речи «За Сестия» Цицерон сначала приводит пример консула 121 г. Л. Опимия, который, расправившись со сторонниками Г. Гракха, спас государство от смуты, но навлек на себя ненависть со стороны плебса и в итоге, будучи осуждён уголовной судебной комиссией, ушёл в изгнание (Sest. 140). Лишь после этого он вспоминает о подобной участи Фемистокла, Мильтиада, Аристида и Ганнибала. Приводя греческие *exempla*, Цицерон почти всегда подчёркивает превосходство римлян, которые, например, оказались более мудрыми законодателями, чем сам Солон (Rosc. Amer. 70), много превосходят греков силою духа (*grauitas*) (Sest. 141), оказавшись в критических обстоятельствах, даже самоубийство совершают с большою охотой (Scaur. 2–4); и вообще сочинения греков, откуда черпаются все эти примеры, «более украшены словами, чем делами» (*ibid.*). Пару раз греческие *exempla* сопровождаются неуверенным '*ut opinor*' («полагаю», «по-моему»), несколько маскирующим хорошее знание оратором греческой литературы (Sest. 48; Scaur. 4) – к такому приёму Цицерон прибегал в «Верринах», рассказывая судьям о похищенных Верресом произведениях эллинского искусства (Verr. II, 4, 39), а также в некоторых других речах (Rosc. Amer. 46; Pis. 69).

Несмотря на все эти оговорки, греческие военачальники и государственные мужи в целом служат в речах положительными примерами. Иначе дело обстоит с тиранами и эллинистическими царями. Они, за редким исключением, являются сугубо негативными образцами проявления стереотипных пороков, свойственных, с точки зрения римлян, ничем не ограниченному единовластию; неслучайно больше всего таких *exempla* мы находим в речи «За Рабирия Постума», в которой Цицерон рисует сугубо отрицательный образ египетского мо-

³⁴ Cic. Verr. II.3.210: *cum et optimi mores erant et hominum existimatio grauis habebatur et iudicia seuera fiebant*. Ср. Part. orat. 96: *Uterque uero ad augendum habeat exemplorum aut recentium, quo notiora sint, aut ueterum, quo plus auctoritatis habeant, copiam*. – «В обоих случаях пусть у него [оратора. – В.Х.] будет множество примеров для подкрепления [своей позиции] – или современных, поскольку они лучше известны, или древних, поскольку они обладают бóльшим авторитетом».

³⁵ См.: Schönberger H. Op. cit. S. 32–33.

нарха Птолемея XII Авлета³⁶. Дионисию, например, оратор приписывает несправедливость (*iniquitas*) (Rab. Post. 25), а Митридату – жестокость (*crudelitas*) (Rab. Post. 27). Там же он намекает на причастность неназванного по имени египетского царя Птолемея II Филадельфа к смерти афинского тирана и известного философа Деметрия Фалерского, ученика Аристотеля и Феофраста³⁷. В «Верринах» Митридад предстаёт как «враг, и в остальном враг крайне свирепый и бесчеловечный» (*hostis, et hostis in ceteris rebus nimis ferus et immanis*) (Verr. П.2.51); впрочем, даже он не отважился на те преступления, которые совершил негодай Веррес.

Гораздо реже встречаются в речах имена греческих деятелей культуры. Из историков упоминается Каллисфен (IV в.), пострадавший от жестокости Александра Македонского (Rab. Post. 23). Из философов Цицерон использует в качестве *exemplum* Платона, которого он вспоминает в связи с несправедливостью сиракузского тирана Дионисия (*ibid.*)³⁸, а также Сократа (Scaur. 4) и киника Диогена (Mug. 75).

Наконец, иногда Цицерон считает уместным упомянуть в своих речах и обычных греков. В первую очередь это касается тех, кто совершил славные деяния. В речи «За Милона» он использует примеры греческих тираноубийц, очевидно намекая, в первую очередь, на афинян Гармодия и Аристокитона, убивших тирана Гиппарха (Mil. 80). В случае необходимости оратор вспоминает даже людей заурядных, но приобретших известность благодаря какому-нибудь необычному поступку (например, амбракийца Клеомброта)³⁹.

³⁶ См. подробнее, напр.: Хрусталёв В.К. Образ египетского царя Птолемея XII Авлета в речах Цицерона // ВДИ. 2017. № 1. С. 91–105.

³⁷ Cic. Rab. Post. 25: *accepimus ... Demetrium, qui Phalereus uocitatus est, et ex re publica Atheniensi, quam optime gesserat, et ex doctrina nobilem et clarum, in eodem isto Aegypto regno aspide ad corpus admota uita esse priuatum*. – «Мы слышали, что Деметрий, прозванный Фалерским, известный и прославленный как тем, что он наилучшим образом управлял Афинским государством, так и учёностью, лишился жизни в том же самом Египетском царстве после того, как к нему подложили ядовитую змею». Обвинение это, по-видимому, безосновательно, и Деметрий погиб в результате несчастного случая (см.: Diog. Laert. V.78).

³⁸ Цицерон намекает либо на первое путешествие Платона на Сицилию, которое философ совершил ко двору тирана Дионисия Старшего, либо на второе и третье, уже ко двору его сына, Дионисия Младшего. Как предполагал К. Клодт (*Klodt C. Ciceros Rede Pro Rabirio Postumo: Einleitung und Kommentar*. Stuttgart, 1992. S. 135–136), оратор имел в виду прежде всего именно второе и третье плавание философа, о которых он должен был быть хорошо осведомлён из седьмого письма Платона.

³⁹ Cic. Scaur. 4: *Graeculi quidem multa fingunt, apud quos etiam Cleombrotum Ambraciotam ferunt se ex altissimo praecipitasse muro, non quo acerbitatis accepisset aliquid, sed, ut uideo scriptum apud Graecos, cum summi philosophi Platonis grauius et ornate scriptum librum de morte legisset*. – «Гречишки, конечно, многое выдумывают; например, рассказывают, что также амбракиец Клеомброт бросился с высокой стены – не потому, что он перенёс какое-либо несчастье, но по причине того, что, как пишут греки, он прочёл убедительно и изящно написанную книгу величайшего философа Платона о смерти». Имеется в виду, конечно, диалог «Федон».

Из исторических деятелей прочих народов Цицерон чаще всего упоминает великого карфагенского полководца Ганнибала, так что можно проследить, как оратор, в зависимости от своих целей, весьма вольно обращается с одними и теми же *exempla*, представляя их с совершенно разных сторон. Относительно римских *exempla* этот приём хорошо освещён в литературе на примере братьев Гракхов⁴⁰. Оратор обращается к образу Ганнибала и в судебных (там его имя звучит 5 раз и 1 раз подразумевается), и в политических речах (в них даже чаще – 11 раз)⁴¹. В большинстве случаев Цицерон использует Ганнибала как пример классического и наиболее полного воплощения врага и одновременно – величайшей угрозы Риму (например, Phil. I.11: *Hannibal ante portas*)⁴². Этот образ пунийского военачальника можно считать штампом, прочно укоренившимся как в сознании римлян, так и в римской литературе. Как правило, Цицерон даже не развёртывает этот пример, добываясь нужных ассоциаций лишь несколькими словами или даже упоминанием одного только имени Ганнибала. С Ганнибалом оратор сравнивает плохих и недостойных граждан – Г. Верреса и М. Антония. Но иногда Ганнибал предстаёт у Цицерона и в положительном свете: например, в речи «За Сестия» он помещён в один ряд с Л. Опимием, Фемистоклом, Мильтиадом Младшим и Аристидом, как человек, знаменитый «проницательностью, доблестью, славными деяниями» (*consilio, uirtute, rebus gestis*) (Sest. 142). В качестве позитивного примера Цицерон приводит также благочестивый поступок союзника римлян, нумидийского царя Массиниссы, противопоставляя его богопротивным гнусностям Верреса (Verr. II.4.103).

Можно указать и на примеры лидеров великих рабских восстаний – сирийца Афиниона (Verr. II.2.136; III.66, 125; Har. resp. 26) и фракийца Спартака (Har. resp. 26; Phil. III.21; IV.15; XIII.22), но представляется, что их следует рассматривать скорее как персонажей собственно римской истории, пусть они и не являлись римлянами по происхождению. Цицерон использует эти образы (особенно Спартака) так же, как и образ Ганнибала – как олицетворение страшного врага Рима, часто употребляя эти *exempla* поблизости в одной и той же речи. Иногда рядом возникает и Катилина (Phil. IV.15); впрочем, последний всё-таки кажется Цицерону меньшим злом в сравнении со Спартаком (Phil. XIII.22).

Крайне редко Цицерон, приводя внешние исторические примеры в сенатских и судебных речах, упоминает женщин. Это мифологические героини – Елена Троянская (Phil. II.55) и дочери афинского царя Эрехтея (Sest. 48); консула 58 г. А. Габиния Цицерон называет именем полупоуповетендарной ассирийской царицы Семирамиды (Prov. cons. 9). Лишь в сенатской речи против своего недруга Л. Кальпурния Пизона Цезонина, консула 58 г. и тестя Цезаря, Цицерон, издеваясь над увле-

⁴⁰ См.: Robinson A.W. Op. cit. P. 41–82; van der Blom H. Op. cit. P. 103–107.

⁴¹ Ссылки см.: Shackleton Bailey D.R. Op. cit. P. 53.

⁴² См. эпитеты, которыми римский оратор характеризует Ганнибала: *acutus* (здесь в отриц. смысле: Phil. XIII.25); *immanis* (Phil. XIV.9).

чением Пизона эпикурейской философией, использует в качестве *exemplum* Фемисту – женщину-философа, последовательницу Эпикура, которой основатель школы адресовал многие из своих писем (Pis. 63).

Иногда в качестве *exemplum* используются целые народы. Когда в речи «За Флакка» (Flacc. 62–63) Цицерону нужно было подчеркнуть добросовестность представителей тех греческих общин, которые выступали в качестве «хвалителей» (*laudatores*) на стороне его подзащитного, он обращается к славной истории Афин, Спарты и Массилии. Когда ему требуется подчеркнуть жадность и нечестие Верреса, он вспоминает о персах, не разграбивших, в отличие от обвиняемого, знаменитый храм Аполлона на Делосе (Verr. II.1.48). Когда он хочет показать ненависть, которую испытывали к Верресу сицилийцы, он рассказывает о том, как они сбросили с пьедесталов статуи бывшего своего наместника и указывает, что это у греков не в обычае: в Первую Митридову войну родосцы не тронули статуи Митридата, против которого отчаянно сражались (Verr. II.2.159).

4. Заключение

Подводя итоги, ещё раз следует подчеркнуть разницу в употреблении Цицероном в его ораторских выступлениях римских и иностранных примеров. Использование последних в речах, по сравнению с другими жанрами, было строго ограничено по ряду причин. В некоторых случаях в качестве такого ограничителя могли выступать скудные познания большинства аудитории в области истории греческого и других народов. В сочинениях, предназначенных для более образованной публики, внешние *exempla* встречаются гораздо чаще. Но даже в речах перед сенаторами и всадниками Цицерон весьма осторожно и лишь крайне редко использует этот приём. Во многих случаях (как с Ганнибалом или Спартаксом) это устоявшиеся риторические штампы. Значительную долю составляют негативные примеры. Едва ли в глазах большинства римлян внешние примеры, в отличие от *exempla*, заимствованных из римской старины, имели достаточный авторитет, чтобы «убеждать» аудиторию. Если исходить из целей использования *exempla*, сформулированных в начале статьи, употребление внешних *exempla*, особенно в речах, тесно связанных с иноземными делами, скорее могло иметь задачей «успокоить» и «увлечь» слушателей.

Литература:

- Кузнецова Т.И., Стрельникова И.П. Ораторское искусство в древнем Риме. М., 1976.
- Марк Туллий Цицерон. Речь «Об александрийском царе» (фрагменты) / Вступ. ст., пер. с лат. и комм. В.К. Хрусталёва // Мнемон. 2015. Вып. 15. С. 441–450.
- Никишин В.О. Цицерон и греки // ШН. 2011. Т. 11. С. 166–189.
- Хрусталёв В.К. Образ египетского царя Птолемея XII Авлета в речах Цицерона // ВДИ. 2017. № 1. С. 91–105.
- Albrecht M. von. Geschichte der römischen Literatur von Andronicus bis Boethius und ihr Fortwirken. 3. Aufl. B.; Boston, 2012. Bd. I.

- Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung, und politische Identität in frühen Hochkulturen. München, 1992.
- Assmann J. Religion und kulturelles Gedächtnis. Zehn Studien. München, 2000.
- Berthold H. Die Gestalt des Themistocles bei M. Tullius Cicero // *Klio*. 1965. Bd. 43. S. 38–48.
- Blom H. van der. Cicero's Role Models: The Political Strategy of a Newcomer. Oxf., 2010.
- Bücher F. Verargumentierte Geschichte. *Exempla Romana* im politischen Diskurs der späten Republik. Stuttgart, 2006.
- Chaplin J.D. Livy's Exemplary History. Oxf., 2000.
- Cicero: De Inventione, De Optimo Genere Oratorum, Topica / Ed. and trans. H.M. Hubbel. Cambr. (Mass.), 1949.
- Cicero M. Tullius. The Fragmentary Speeches / J.W. Crawford (ed.). 2nd ed. Atlanta, 1994.
- Daxelmüller C. *Exemplum* // Enzyklopädie des Märchens: Handwörterbuch zur historischen und vergleichenden Erzählforschung / R.W. Brednich (hg.). B., 1984. Bd. IV. Sp. 627–649.
- Douglas A.E. *Clausulae* in the *Rhetorica ad Herennium* as Evidence of Its Date // *CLQ*. 1960. Vol. 10. P. 65–78.
- Fuhrmann M. Das *Exemplum* in der antiken Rhetorik // Geschichte – Ereignis und Erzählung / R. Koselleck, W. Stempel (hgs.). München, 1973. S. 449–452.
- Gaines R.N. Roman Rhetorical Handbooks // A Companion to Roman Rhetoric / W. Dominik, J. Hall (ed.). Oxf., 2007. P. 163–180.
- Harries J. Cicero and the Jurists: From Citizen's Law to the Lawful State. L., 2006.
- Harris W.V. Ancient Literacy. Cambr. (Mass.), 1989.
- Henderson M.I. The Process *de Repetundis* // *JRS*. 1951. Vol. 41. P. 71–88.
- Herrmann L. L. Annaeus Cornutus et sa rhétorique à Herennius Senecio // *Latomus*. 1980. T. 39. P. 144–160.
- Hölkeskamp K.-J. *Exempla* und *mos maiorum*: Überlegungen zum kollektiven Gedächtnis der Nobilität // Vergangenheit und Lebenswelt. Soziale Kommunikation, Traditionsbildung und historisches Bewusstsein / H.-J. Gehrke, A. Möller (hgs.). Tübingen, 1996. S. 301–338.
- Hölkeskamp K.-J. History and Collective Memory in the Middle Republic // A Companion to the Roman Republic / N. Rosenstein, R. Morstein-Marx (eds.). Oxf., 2006. P. 478–495.
- Horsfall N. The Culture of the Roman Plebs. L., 2003.
- Kennedy G. The Art of Rhetoric in the Roman World: 300 B.C. – A.D. 300. Princeton, 1972.
- Klein J. *Exemplum* // Historisches Wörterbuch der Rhetorik / Hg. G. Ueding. Tübingen, 1996. Bd. III. Sp. 60–70.
- Klodt C. Ciceros Rede *Pro Rabirio Postumo*: Einleitung und Kommentar. Stuttgart, 1992.
- Koselleck R. Vergangene Zukunft: Zur Semantik geschichtlicher Zeiten. Frankfurt am Main, 1979.
- Kroll W. Der Text des Cornificius // *Philologus*. 1934. Bd. 89. S. 63–84.
- Kroll W. M. Tullius Cicero: Die rhetorischen Schriften // *RE*. 1939. Bd. VIIA. Sp. 1091–1103.
- Lausberg H. Handbuch der literarischen Rhetorik. München, 1960. Bd. I.
- Memoria Romana*: Memory in Rome and Rome in Memory / K. Galinsky (ed.). Ann Arbor, 2014.
- Memory in Ancient Rome and Early Christianity / K. Galinsky (ed.). Oxf.; N.Y., 2016.

- Morstein-Marx R.* Mass Oratory and Political Power in the Late Roman Republic. Cambr., 2004.
- Nora P.* Entre histoire et mémoire. La problématique des lieux // Les lieux de mémoire / P. Nora (ed.). Vol. 1: La République. P., 1984. P. XV–XLII.
- Rhetorica ad Herennium* / Ed. and trans. H. Caplan. Cambr. (Mass.), 1954.
- Robinson A.W.* Cicero's Use of People as *Exempla* in His Speeches. Diss. Indianapolis, 1986.
- Schönberger H.* Beispiele aus der Geschichte, ein rhetorisches Kunstmittel in Ciceros Reden. Diss. Erlangen, 1910.
- Shackleton Bailey D.R.* Onomasticon to Cicero's Speeches. 2nd rev. ed. Stuttgart; Lpz., 1992.
- Walter U.* *Memoria* und *res publica*. Zur Geschichtskultur der römischen Republik. Frankfurt am Main, 2004.
- Winkel L.C.* Some Remarks on the Date of the *Rhetorica ad Herennium* // Mnemosyne. 1979. Vol. 32. P. 327–332.
- Yao Shao-Ji.* Der Exempelgebrauch in der Sangspruchdichtung vom späten 12. Jahrhundert bis zum Anfang des 14. Jahrhunderts. Würzburg, 2006.